

XII в. Если любая другая современная ему печать по своему оформлению была печатью актовой, то буллы Ратибора на всем протяжении его государственной карьеры сохраняют признаки буллы неофициального документа.

Печать Ратибора оформлена иначе, чем печати князей и митрополитов. И нет ничего невероятного в том, что именно в своеобразии

ее типа впервые проявляются тенденции выразить типическими особенностями композиции, своеобразии самого политического института, обладавшего этой печатью,— института наместничества, отличного от двух других политических институтов, пользовавшихся правом буллы,— княжеской и высшей церковной власти.

ПЕЧАТИ ПРОТОПРОЕДРА ЕВСТАФИЯ

Одну из интереснейших для характеристики сфрагистических типов конца XI в. групп составляют печати протопроедра Евстафия (№ 72, 73). Эти буллы, оттиснутые двумя парами различающихся между собой лишь мельчайшими деталями матриц, несут на лицевой стороне изображение св. Феодора в полный рост, с копьем и щитом, а на обороте пятистрочную греческую надпись: + Πρωτοπρόεδρος Εὐστάθιον με σήμε, т. е. «Воззри на меня, протопроедра Евстафия».

Буллы протопроедра Евстафия были впервые введены в научный оборот Н. П. Лихачевым, который располагал семью экземплярами таких печатей¹². Подчеркнув особое значение протопроедра как члена неофициального совета при византийском императоре, Н. П. Лихачев писал: «Но мог ли такой титул, как почетное звание, носить какой-нибудь русский князь XI столетия? Отметим, что князь Мстислав-Константин Владимирович имел сына, князя Евстафия, умершего при жизни отца в 1033 г. (см. под этим годом Лаврентьевскую летопись: «Мъстиславичъ Еустафия умре»). Имя Евстафия редко, и нахождение нескольких экземпляров такой печати в Новгороде наводит на размышление. К сожалению, работа печати хорошего греческого мастера и мало признаков, чтобы отнести ее к числу русских. Если экземпляры печати будут найдены на юге России, то предположение получит более определенное основание»¹³.

Цитированные строки были написаны исследователем в 1928 г., когда ему были известны четыре экземпляра печати Евстафия,

которые все происходили из новгородских находок. Уже на протяжении следующих двух лет Н. П. Лихачеву были сообщены еще два экземпляра этой буллы, поступившие в Новгородский музей из находок на Городище. Эти находки развеяли одни сомнения из высказанных в 1928 г. и углубили другие. Во 2-м выпуске своих «Материалов» Н. П. Лихачев пришел к выводу: «Обилие печатей таинственного Евстафия, находимых исключительно в Новгороде, тесно связывает этого протопроедра с древнейшей историей Новгорода»¹⁴. Вполне очевидно, что такой вывод неизбежно включает в себя и отрицание первоначально предположенной связи буллы Евстафия с князем Евстафием Мстиславичем, который не имел отношения к истории Новгорода.

Тем не менее в рукописном тексте комментария к «Сфрагистическому альбому», редактировавшемуся Н. П. Лихачевым в последний год его жизни, исследователь попытался объяснить это противоречие предположением о наместничестве в Новгороде Евстафия Мстиславича в промежуток между княжениями сыновей Ярослава Мудрого — Ильи, умершего в 1020 г., и Владимира, вокняжившегося около 1033 г. «Евстафий Мстиславич, генеалогически приписанный Ярославу как родной племянник, мог быть в Новгороде наместником Ярослава или новгородским князем, приглашенным Новгородом с согласия Ярослава. Вернее, что Евстафий был представителем власти Ярослава, заместителем своего родственника, и как наместник забыт вместе с многими другими великокняжескими наместниками в новгородских летописях»¹⁵.

Изложенная теория признавалась слишком искусственной самим Н. П. Лихачевым, который в качестве альтернативы к ней допускал возможность и того, что печати Евстафия мо-

¹² Н. П. Лихачев допускал существование двух вариантов печати Евстафия, различающихся мельчайшими деталями. Накопление нового материала дает возможность говорить о том, что названному исследователю были известны буллы только одной разновидности (№ 72); кажущиеся различия определяются разницей нажима при оттискивании булл. Единственная пока печать другого варианта (№ 73) была найдена уже после смерти Н. П. Лихачева.

¹³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 159.

¹⁴ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 278.

¹⁵ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444, комм. к табл. XXIV, 3.